

Участники книжного сообщества «Замечательные читатели» обсудили Кулинарные предпочтения и описания блюд в произведениях Ивана Сергеевича Тургенева и Льва Николаевича Толстого.

«Можно ли употреблять жареного цыплёнка с горчицей или нет? Вот в чём вопрос!»

Как рассказала Наталья Ивановна Карпова, председатель сообщества «Замечательные читатели», Иван Сергеевич Тургенев, большую часть жизни проживший в Европе, и считающийся самым «западным» из писателей-классиков, был ценителем русской кухни. Кухни лучших европейских ресторанов так и не смогли затмить любимые пироги, супы и прочие родные сердцу писателя блюда. На знаменитых «обедах пяти» Тургенев спорил с Флобером спорил о том, можно ли употреблять жареного цыплёнка с горчицей или нет. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что французская горчица была сладковатой и слабой, а наша, русская, могла убить неискущённого француза наповал.

В жизни и творчестве Тургенева обед, или более расширенно – еда, занимает одно из центральных мест: «дворецкий подал рыбу в полтора аршина длины и с букетов во рту», «как слуги, в ливреях, суровые на вид, угрюмо приставали к каждому дворянину то с малагой, то с дрей-мადерой и как почти все дворяне, особенно пожилые, словно нехотя покоряясь чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой», «квас любил он, по собственному выражению, как отца родного», «обед не обошёлся без трепещущего желе и испанских ветров(пирожного)».

Отрывки из произведений И.С. Тургенева «Вешние воды», «Отцы и дети», «Гамлет Щигаровского уезда», «Два приятеля», «Мой сосед Радилов» показали, что еда у Ивана Сергеевича не просто меню литературных персонажей, но и их характеристика.

«Мне лучше всего щи и каша; но ведь этого здесь нет»

Отношения с едой у великого русского классика Льва Николаевича Толстого были весьма противоречивыми. Сначала буйная молодость с кутежами и пирами, потом солидная зрелость и размеренная жизнь в поместье, а в 50 лет Толстой вступил в стройные ряды вегетарианцев. Но поесть Толстой любил всегда, регулярно переидал и регулярно себя корил за грех чревоугодия. Гастрономической Библией семьи графа была «Поваренная книга» Софьи Андреевны Толстой.

И, конечно, Лев Николаевич в своих знаменитых романах уделял много

внимания гастрономическим пристрастиям своих героев. Так, например, Пьер Безухов любил хорошо пообедать и хорошо выпить, хотя и считал это безнравственным и унижительным, но не мог удержаться от участия в холостяцких увеселениях.

Дед писателя представлял собой классический образец старого барства, он был в высшей степени хлебосольным, весёлым и щедрым, вся округа съезжалась к нему в гости, а он всех «закармливал» и «запаивал», промотав, таким образом, огромное состояние. Гениальный внук не мог описать своего колоритного предка на страницах «Войны и мира» в образе графа Ростова. «Ему было поручено от клуба устройства торжества для Багратиона, потому что редко кто умел так на широкую руку, так хлебосольно устроить пир, особенно потому, что редко кто умел и хотел приложить свои деньги, если они понадобятся на устройство пира».

В романе «Анна Каренина» обеды Стивы Облонского «Суп прентарьер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседаун де фрюи...» противопоставлены простым трапезам Левина, любящего щи и кашу и порой делящего тюрю с крестьянами.

Цикл встреч «Еда как способ понять Россию» не закончен. Впереди - новые встречи, новые авторы и их кулинарные пристрастия